ПОЛИТИКА ТУРЦИИ В ОТНОШЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА В КОНТЕКСТЕ ВНУТРЕННЕЙ ИСЛАМИЗАЦИИ

ГЕОРГИЙ МАЧИТИДЗЕ МГИМО МИД России. Москва. Россия

Резюме

В настоящей статье исследуются подходы Турции к борьбе с международным терроризмом, которые определяются доминирующими в этой стране исламистскими и националистическими идеями. Особое внимание автор уделяет выявлению причин всплеска исламизма в кемалистской Турции и его проявлениям во внутренней политике страны. Сделан вывод о том, что рост политического влияния ислама происходил в соответствии с идеологической платформой правящей Партии справедливости и развития (ПСР). «Умеренный» турецкий исламизм в интерпретации ПСР не препятствовал распространению в Турции салафитских идей и деятельности радикальных организаций. Светские традиции страны не смогли противостоять обозначившейся тенденции к укреплению радикального исламизма, который постепенно превратился во влиятельный и устойчивый элемент внутренней и внешней политики страны. Акцентируя внимание на стремлении турецкого руководства превратить Турцию в лидера исламского мира, автор выдвигает гипотезу, согласно которой интегральными частями политического процесса в Турции стали исламизм, авторитарность и турецкий национализм. В статье показано, какую роль в усилении радикального исламизма в Турции сыграли экстремистски настроенные граждане страны, которые в 1980-х и 1990-х годах участвовали в вооружённых конфликтах за рубежом. Для изучения отношения Анкары к ИГИЛ и «Аль-Каиде» использован метод сравнительного анализа. Исследован противоречивый подход Турции к оценке террористической сущности ИГИЛ и трансформация позиции Анкары от скрытного сотрудничества с ИГИЛ к открытой борьбе с этой группировкой на территории Турции. С «Аль-Каидой» отношения развивались в обратном направлении: сначала непримиримая борьба, а затем налаживание особых отношений со сторонниками организации в Сирии, что позволило Анкаре использовать их для борьбы с правительственными силами и ослабления неуправляемых экстремистских группировок в сирийской провинции Идлиб.

Ключевые слова:

Турция; международный терроризм; секуляризм; радикализация; исламизм; турецкий национализм; ИГИЛ и Аль-Каида¹.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.03.2021

Дата принятия к публикации: 18.06.2021 Для связи с автором / Corresponding author:

Email: mggkabul@gmail.com

¹ Террористические организации, запрещены в РФ.

Введение

Статья посвящена анализу политики Турции в отношении международного терроризма в свете процессов внутренней исламизации и взаимодействия Анкары с глобальными террористическими организациями ИГИЛ и «Аль-Каида». Важность тематики с научно-практической точки зрения заключается в том, что проблема борьбы с международным терроризмом, который является одной из наиболее серьезных угроз миру, безопасности и стабильности, находится в фокусе внимания как официальных структур различных государств и экспертов, так и средств массовой информации и международной общественности. Автор ставит перед собой задачу доказать, что процесс исламизации политических элит страны и в целом весомой части турецкого общества, который исподволь развивался в течение десятилетий, скрепленный идеей «османского наследия», привел руководство ПСР к опасному заигрыванию с джихалистами в лице ИГИЛ и «Аль-Каилы».

Рассматриваемые в статье вопросы затрагивались в той или иной степени в работах российских исследователей. В частности, группа российских ученых во главе с известным востоковедом И.Звягельской справедливо полагает, что важными составляющими стратегии ПСР стали исламская солидарность и опора на «османское наследие» и что приход к власти представителей консервативных религиозных кругов повлек за собой рост внимания к исламскому миру [Звягельская, Кожанов 2019].

В статье российского тюрколога П. Шлыкова подтверждаются новые подходы властей Турции к радикалам, нарастание активности местных радикальных группировок, в том числе отношение турок к ИГИЛ и «Аль-Каиде». Вместе с тем, как представляется, использование Анкарой джихадистов против Дамаска вряд ли можно объяснить «ошибочностью турецкой стороны в оценке развития ситуации в регионе по причине нехватки квалифицированных специалистов и возникшей в этой связи неопределенностью» [Шлыков 2018]. В противовес этому утверждению автор настоя-

щей статьи настаивает на том, что прежде всего идейные убеждения руководителей ПСР привели к контактам с радикалами, а сами эти контакты стали рассматриваться как допустимые и эксплуатировались в политических целях. Данный тезис, по мнению автора, является значимым добавлением к корпусу идей, изложенных в предшествующих публикациях.

В работе российского тюрколога В. Надеин-Раевского достаточно убедительно показаны сложный и противоречивый характер действий Анкары по противодействию терроризму и экстремизму в стране, а также серьезная эволюция, которую за несколько лет претерпело отношение турецких властей к ИГИЛ [Надеин-Раевский 2017]. Вместе с тем взаимодействие с ИГИЛ никак не увязано с длительным процессом внутренней исламизации в Турции. Автор посчитал возможным предпринять попытку дальнейшего развития данной тематики, исследуя взаимоотношения Турции с обеими глобальными террористическими организациями, ИГИЛ и «Аль-Каидой», на основе привлечения дополнительного более «свежего» материала.

Статья состоит из введения, трех разделов и заключения. Логика построения разделов заключается в демонстрации в первой части политических и социально-экономических процессов, которые способствовали исламизации определенных элит и значительного сегмента турецкого общества, что в конечном счете привело к взаимодействию международными террористическими организациями. Во втором и третьем разделах отображён противоречивый подход Турции к оценке террористической сущности ИГИЛ и «Аль-Каиды», трансформация позиции Анкары от скрытного сотрудничества с ИГИЛ к открытой борьбе с этой группировкой, а также от борьбы с «Аль-Каидой» к налаживанию особых отношений со сторонниками этой организации в Сирии.

Исламское возрождение в Турции

Классический образ Турции как «европейской страны Азии», основы которой заложил Кемаль Ататюрк, определивший

восприятие этой страны внешним миром на протяжении XX века, длительное время вводил в заблуждение. В стране в самом деле сложилась политическая модель, опирающаяся на использование демократического процесса, осуществление национального суверенитета при поддержке народа, широкую независимость в реализации внешней политики. Тем не менее Турция никогда не была подлинно секулярным государством, которое бы жёстко разделяло сферы религиозного и светского. Турецкий секуляризм закреплял абсолютное господство и контроль над религией со стороны политической власти практически на всех уровнях.

При этом подавляющее большинство турецкого населения не разделяло связей ататюркской политической элиты с Западом. Турки в своей массе оставались религиозными суннитами ханафитской школы, гордились своим прошлым, в частности наследием Османской империи². Кемалисты, сохранявшие власть на протяжении всего XX века с опорой на принуждение. оттолкнули от себя значительную часть консервативного населения страны. Ограничения в отправлении религиозных обрядов привели к появлению нелегальных сект, орденов и обществ. В последней четверти XX века исламисты начали создавать собственные политические партии (Партия национального порядка, Партия национального спасения, Партия благоденствия, Партия добродетели), которые власти запрещали, обвиняя их в попытках реисламизации Турции, симпатиях к джихаду и стремлении ввести шариат.

Проводившаяся после 1980 г. либеральная экономическая политика способствовала развитию рыночных механизмов и

приватизации, а также внедрению новых коммуникационных технологий. Бурное экономическое развитие страны в этот период привело к формированию среднего класса³ и установлению стабильности, облегчивших сосуществование религиозных и традиционных ценностей с современными [Кудряшова, Матюхин 2013]. Усилилось влияние и расширились потребности исламского среднего класса (владельцев малых и средних предприятий), укрепились позиции умеренных религиозных групп (Движение Ф. Гюлена), Конфедерации справедливых рабочих профсоюзов (Хак-Иш), Ассоциации независимых промышленников и предпринимателей Турции (MÜSİAD) и Международной ассоциации исламского бизнеса (МАИБ). Эти тенденции имели кумулятивный эффект. Хак-Иш удалось зарекомендовать себя в качестве национальной силы, значение которой не ограничивается исламистскими требованиями. Конфедерация первой из исламистских организаций успешно использовала дискурс гражданского общества и демократии для продвижения интересов рабочих. Ассоциация независимых промышленников и предпринимателей, как влиятельный представитель исламской буржуазии, демонстрировала сочетание исламской идентичности с идеологией свободного рынка и поддерживала открытие турецкой экономики и общества миру [Duran, Yıldırım 2005].

С начала 1990-х годов влияние ислама на политическую жизнь страны стало стремительно расти, прежде всего из-за разочарования широких слоёв населения цивилизационным выбором «светских» партий. В условиях постоянного экономического кризиса и увеличения уровня безработицы

² Koru S. Turkey's 200-Year War against ISIS. 25.07.2015. The National Interest. URL: http://nationalinterest.org/feature/turkeys-200-year-war-against-isis-13412?page=show (accessed: 18.02.2021)

³ Рост среднего класса обозначает структурный сдвиг, когда подавляющая часть населения страны перестает жить в нищете, а средний класс становится важным социальным и экономическим игроком, выполняя роль социального стабилизатора, экономического донора, культурного интегратора и административно-исполнительного регулятора. Материальное положение среднего класса позволяет потреблять большое количество товаров, продуктов и услуг, что является стимулирующим фактором для развития экономики, появления новых технологий, повышения занятости населения.

росла популярность политиков, апеллирующих к исламской модели. Процесс либерализации в Турции сопровождался усугублением неравномерности экономического роста, часто прерывавшегося спадами и периодами стагнации. Показатели инфляции в начале 1990-х превысили 60%. К концу 1990-х рост розничных цен составил 50% [Ульченко 2002], а безработица в сельском хозяйстве - 34,5%, в промышленности -24,6% [Bildirici, Ersin 2012]. В результате социально-экономических преобразований важными новыми игроками на политической сцене Турции стали жители анатолийского центра, поддерживающие политические партии, которые подчеркивали пиетет к религиозным традициям и не принижали исламское наследие.

Российские эксперты И.В.Кудряшова и В.В.Матюхин видят глубинные причины исламизма в неоосманских тенденциях, получивших развитие в новейшее время. Особенно заметно османские мотивы проявились во внешнеполитической локтрине, разработанной Ахметом Давутоглу и неофициально именуемой «неоосманизмом». Она предполагает активное отстаивание национальных интересов и укрепление интеграционных процессов между странами, расположенными в географическом и культурно-историческом пространстве бывшей Османской империи. Турция, таким образом, претендует на роль регионального лидера на Балканах, Ближнем Востоке, в Северной Африке, на Кавказе и в Центральной Азии [Кудряшова, Матюхин 2013].

Важную роль в процессе исламизации страны сыграло выдвижение на лидерские позиции Реджепа Тайипа Эрдогана. Двенадцатый президент страны учился в религиозном лицее имамов-хатыбов в Стамбуле. В 1984 г. он стал председателем отделения Партии благоденствия в стамбульском районе Бейоглу, а в 1985 — председателем стамбульского отделения партии, а также членом её высшего руководящего совета. На политические взгляды Эрдогана большое влияние оказал основатель политического ислама — председатель Партии бла-

годенствия (ПБ) Неджметтин Эрбакан. В ядро Партии справедливости и развития вошли бывшие члены партий благоденствия и добродетели.

Кульминацией процесса исламизации стала впечатляющая победа Партии справедливости и развития (ПСР) на выборах 2002 г. при поддержке религиозно ориентированных сил: правящая партия гордится своим «исламским происхождением». Уже на начальном этапе правления ПСР, вопреки воинствующему секуляризму командного состава армии и старой политической элиты, стала укрепляться традиция умеренного турецкого исламизма. Самое крупное народное движение «Нур», включающее также движение Фетхуллаха Гюлена, происходило из того же традиционного анатолийского центра и предлагало аполитичное, толерантное и открытое возрождение ислама, ориентированное на образование, демократию, терпимость и формирование гражданского общества на основе моральных принципов ислама [Arbor 2006: 14]. «Нур» и сторонники Фетхуллаха Гюлена представляли новую анатолийскую элиту, гордящуюся своим исламским наследием и поддерживавшую построение современной, технологически ориентированной, европейской страны до тех пор, пока это развитие не угрожает исламской идентичности. Так, естественным образом, сказалась особенность турецкой идентичности, выражающаяся в глубокой связи с защитой и распространением ислама в течение сотен лет.

Несмотря на «исламистское происхождение», ПСР заявила о себе как о правоцентристской партии с консервативнодемократической идентичностью, которая готова развивать отношения и с Западом, и с соседними государствами. В первый период пребывания Партии у власти внимание Турции было обращено на выстраивание стабильных отношений с США. Главным препятствием к упрочению двустороннего диалога стал курдский вопрос. Для того чтобы не провоцировать его обострения, турецкое руководство выступило против свержения режима Саддама Хусейна

и отказалось предоставить США военную поддержку в ходе иракской кампании. Проблема Турецкого Курдистана и курдских объединений в ближневосточном регионе с тех пор оставалась камнем преткновения в отношениях Вашингтона и Анкары [Иванова 2017]. Другой составляющей турецкой внешней политики было стремление вступить в Европейский Союз. Тем не менее несовпадение ценностей и политических культур фактически исключили возможность интеграции Турции в европейское пространство [Турция между... 2001]. На политику США и ЕС, особенно после «арабской весны», Анкара отреагировала демонстративным поворотом в сторону государств Ближнего Востока, а затем и России.

В конце первого десятилетия XXI века ислам в Турции начал приобретать новые черты. Если в Османской империи преобладал суфизм и, соответственно, в богословской практике турки предпочитали принуждению призывы к диалогу [Ugur 2006: 3381, то после 2011 г. ПСР не препятствовала распространению салафитских идей и деятельности радикальных организаций. Правительство разрешило глобальным исламистским сетям, в частности Братьям-мусульманам, использовать радио и телевизионный каналы в Стамбуле для трансляции на египетскую аудиторию. Светские традиции страны не смогли противостоять тенденции к укреплению радикального исламизма, который постепенно превратился во влиятельный и устойчивый фактор внутренней и внешней политики страны.

При этом турецкое руководство не скрывало амбиций сделать Анкару лидером исламского мира⁴. Для этого по мере экономического роста страны её руководство выделяло всё больше средств на международную дипломатию и гуманитарную помощь, добиваясь улучшения имиджа

Турции не только среди сторонников ПСР. но и в рядах многомиллионной зарубежной турецкой диаспоры. Ряд организаций действуют в русле этой политики властей. Главным её проводником считается Национальная разведывательная организация Турции (НРОТ) под руководством Хакана Фидана, которая занималась подлержкой различных лжихалистских группировок. Важный вклад в укоренение исламского радикализма в Турции и за рубежом вносит Управление по делам религии (УДР), располагающее обширной сетью имамов и другого персонала в стране и за её пределами. Управление, насчитывающее не менее 120 тысяч сотрудников, играет ключевую роль в расширении влияния ПСР, обрабатывая людей в мечетях и советуя им поддерживать политику правящей партии. Благодаря УДР турецкие мечети появляются по всему миру. Представители УДР привлекаются и к выполнению деликатных задач, связанных со сбором информации о противниках турецких властей [Hockenos 2017].

Фонд защиты прав и свобод человека и гуманитарной помощи – ещё одна неправительственная организация, которую используют турецкие правящие круги, притом не только для расширения своего влияния, но и для помощи джихадистским организациям, в том числе «Аль-Каиде» и ИГИЛ⁵. Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (ТАСК) распространяет политическое и идеологическое влияние Турции на исламский мир посредством финансово-экономической помощи. Турецкий образовательный фонд – агентство, созданное для поддержания турецкого политико-идеологического присутствия за рубежом. Турецкий фонд содействия молодёжи и образованию (ТФСМО) и Турецкий молодёжный фонд (ТМФ): обе образовательные организации важны для привлечения той части турецкой моло-

⁴ Idiz S. Will Islamic world accept Turkey's leadership? 19.04.2016. Al-Monitor. URL:https://www.almonitor.com/pulse/originals/2016/04/turkey-erdogan-oic-summit-pitch-for-islamic-leadership.html (accessed: 19.02.2021).

⁵ Террористические организации, запрещённые на территории Российской Федерации.

дёжи, которая поддерживает действующую власть.

Влияние этих фондов в стране и за рубежом резко возросло благодаря возможностям за счёт мощного административного ресурса приобретать объекты недвижимости. Министерство культуры и туризма способствовало радикализации турецкого общества путём распространения периодических изданий и книг салафистского содержания, в том числе для обеспечения публичных библиотек. В частности, министерство закупало книги «Обучение джихаду с помощью Корана и хадисов» и «Тридцать запретов шариата, наложенных на женщин», опубликованные издательством ИГИЛ «Гураба Яинэви» [Натобрать в позможенных на женшин»].

По мере того как Турция всё больше вовлекалась в дела Ближнего Востока, её дискурс стал отражать растущий исламистский акцент. Выступление Эрдогана на IV съезде ПСР 30 сентября 2012 г. символизировало новую идеологическую линию партии, направленную на демонизацию Запада при выраженном внимании к исламистским ценностям, которые были возвращены в официальную риторику и практику. Турецкий президент заявил: «Мы хотим воспитать религиозное поколение»⁶. В этих целях ПСР запустила амбициозный проект по исламизации общества. За несколько лет правительство утроило число религиозных лицеев и начало масштабную образовательную реформу, внедрив в программу государственного образования изучение Корана, жизни пророка Мохаммеда, османского языка⁷, курсы по истории ислама, прославляющие культ джихада и мученичества [Yilmaz 2018: 2]. Характерными реалиями Турции стали активное строительство мечетей, увеличение количества учащихся в религиозных школах, призывы к отказу от контрацепции, проверки на приверженность исламу перед приёмом на госслужбу. Эти меры способствовали радикализации мусульманской молодёжи в стране.

Вступив в борьбу против светских принципов, на которых в Турции ранее базировались отношения между государством и обществом, политический режим постепенно превращался в исламистский. Иными словами, был запущен политический процесс, интегральными частями которого являются исламизм⁸, авторитарность и национализм. Расширяющееся внедрение религиозных и консервативных тем в официальные выступления турецких государственных деятелей свидетельствовало о формировании «нового национализма», включающего религиозные и этнические ценности, а также отказ от сильного светского элемента ататюркского видения [Duran 2013].

Значительную роль в распространении радикального исламизма сыграли экстремистски настроенные турки - ветераны афганской и боснийской войн. Имеются документальные свидетельства, что граждане страны в качестве иностранных боевиков участвовали в конфликтах в Огадене (Эфиопия), Кашмире (Индия) и Чечне (Россия)9. С 2012 г. нарастал поток турецких джихадистов, направлявшихся в Сирию и Ирак для участия в военных действиях на стороне террористических организаций. По некоторым оценкам, число турок, побывавших в Сирии и Ираке с 2012 по 2015 год, включая боевиков, семьи мигрантов, погибших на поле боя и тех, кто вер-

⁶ Erdogan R.T. Dindar gençlik yetiştireceğiz. 02.02.2012. Hurriyet. URL: https://www.hurriyet.com. tr/gundem/dindar-genclik-yetistirecegiz-19825231(accessed: 12.02.2021).

⁷ Османский язык — государственный язык Османской империи, лексика которого доходила в некоторых произведениях до 80 % арабских слов. Поэтому османский язык воспринимается достаточно широкими слоями населения Турции как язык Корана.

⁸ Ислами́зм (политический ислам) — религиозно-политическая идеология и практическая деятельность, направленные на внедрение в общественно-политическую жизнь государства норм шариата.

⁹ Turkish Foreign Fighters in Ogaden. 26.01.2015. The Loopcast. URL: http://www.theloopcast.com/e/turkey-foreign-fighters-in-ogaden/ (accessed: 13.01.2021).

нулся в Турцию, достигает 10 тысяч человек¹⁰. Вернувшись на родину, ветераны создавали джихадистские ячейки, представляющие угрозу безопасности самой Турции.

Следует также упомянуть экстремистские исламистские группировки, прибегающие к насилию, которых породила современная турецкая история. Самые известные из них - это курдская Хизбалла $(X_{VД}a-\Pi ap)^{11}$, Тахшиеджилер 12 , Капланджылар¹³. Великий восточный исламский фронт рейдеров (IBDA-C)¹⁴ или Исламский фронт воинов Великого Востока и Хизб ут-Тахрир¹⁵. Эти террористические организации имели связи с «Аль-Каидой» и ИГИЛ. В числе прочего они помогали ИГИЛ вербовать сторонников в Турции. Хотя эти группировки в настоящее время ослаблены, они способствовали становлению инфраструктуры ИГИЛ в Турции.

Взаимоотношения Турции и ИГИЛ

Ещё в 2013 г. террористическая группировка ИГИЛ приступила к сбору средств, вербовке сторонников среди населения и организации сетей поддержки в Турции. Наибольший интерес для рекрутирования

представляли ветераны-джихалисты, маргинальная горолская мололёжь, ультраконсервативные мусульмане-сунниты и курлы-сунниты. К осени 2014 г. ИГИЛ закрепилась в городах Стамбул, Измир, Конья, Адыяман, Батман, Хатай, Кахраманмараш, Газиантеп, Шанлыурфа. Согласно отчётам турецких спецслужб и Национальной полиции Турции (НПТ), в 2014 г. в стране насчитывалось почти 3 тысячи «спяших ячеек» ИГИЛ в семилесяти из восьмилесяти одной турецкой провинции¹⁶. Количество арестов сторонников ИГИЛ в то время было относительно незначительным: с 2014 г. по лето 2015 г. по подозрению в принадлежности к ИГИЛ полиция задержала лишь 187 человек, притом в течение нескольких лней или нелель многие из них были освобождены 17. Получили распространение джихадистские сайты, как например, открыто поддерживавший ИГИЛ Takvahaber.com. Сторонники ИГИЛ беспрепятственно организовывали пикники в Стамбуле, собирая сотни люлей.

Причины подобного поведения властей заключались в том, что «арабская весна» усилила позиции в регионе Братьев-

¹² «Тахшиеджилер» — сторонники Мехмета Догана. Эта группа симпатизирует Аль-Каиде, исповедует экстремистские взгляды и занимается пропагандой джихада.

¹³ «Капланджылар» — группа из Германии, основанная в 1984 г. Джемалеттином Капланом, планирует создать в Турции исламское государство по образцу Исламской Республики Иран.

¹⁵ İstanbul'da bayram namazı kılan IŞİD'den Türkiye'ye tehdit: Aklınızı başınıza alın (ISIL, Holding Eid Prayers in Istanbul, Threatens Turkey). 18.07.2015. Cumhuriyet. URL: http://www.cumhuriyet.com.tr/haber/turkiye/325675/istanbul_da_bayram_namazi_kilan_ ISiD_den_Turkiye_ye_tehdit__Aklinizi_basiniza_alin.html (accessed: 14.01.2021).

¹⁰ Yezdani I. Türkiye'den cihada 10 bin kişi gitti (10,000 people from Turkey have gone to jihad). 27.06.2015. Hurriyet. URL: http://www.hürriyet.com.tr/turkiye-den-cihada-10-bin-kisi-gitti-29383934) (accessed: 10.01.2021).

¹¹ «Хизбалла» (Худа-Пар) — суннитская курдская организация, одна из самых смертоносных исламистских террористических групп в истории Турции. Не имеет отношения к ливанской Хизбалле, продолжает пользоваться широкой поддержкой среди исламистских курдов Турции.

¹⁴ «Великий восточный исламский фронт рейдеров» (IBDA-C) — суннитское исламистское движение, выступающее за свержение светского правительства Турции и установление халифата. Несёт ответственность за 90 террористических атак.

¹⁶ Peritz A. The Islamic State Has Sleeper Cells Throughout Turkey. Does Erdoğan Care? 21.01.2015. The New Republic. URL: https://newrepublic.com/article/120821/islamic-state-isis-has-sleeper-cells-turkey-says-national-police (accessed: 12.02.2021); Uludag A. 70 ilde IŞİD hücresi var: CHP ve HDP hedefte (ISIL cells in 70 provinces: CHP and HDP are targets). 12.04.2016. Cumhuriyet. URL: http://www.cumhuriyet.com.tr/haber/turkiye/514593/70_ilde_ISiD_hucresi_var__CHP_ve_HDP_hedefte.html (accessed: 08.01.2021).

¹⁷ IŞİD Davasının ilk Duruşmasında 12 Sanık Tahliye Edildi (12 Suspects Released in the First Hearing of ISIL Case). 25.10.2016. Hurriyet. URL: http://www.hurriyet.com.tr/isid-davasinin-ilk-durusmasinda-12-sanik-tahliy-40258833(accessed: 10.02.2021) .

мусульман, предоставив Турции возможность оказывать влияние на внутреннюю политику соседних стран. После прихода к власти в Египте и Тунисе исламистов и повсеместно наметившегося сдвига в сторону политического ислама Анкаре выпал шанс возглавить происходившую трансформацию и расширить своё политическое влияние на Ближнем Востоке, включая Сирию. С началом гражданской войны в этой стране турецкое руководство полностью поддержало местные оппозиционные, в том числе исламистские группировки.

Согласно многочисленным документам, захваченным у ИГИЛ, более 90% всех иностранных боевиков-террористов в период с 2013 по 2014 годы вошли в Сирию через турецкие транзитные пункты в Килисе, Эльбейли, Каркамисе и Акчакале [Stein] 2016: 32]. Первоначально Турция оказывала военную поддержку только «умеренным» противникам Дамаска, но вскоре круг её рецепиентов расширился. Через Турцию на север Сирии шли поставки оружия из Саудовской Аравии, Катара и других государств. В октябре 2012 г. официальные лица США признали, что именно поток оружия из Турции в основном способствовал деятельности джихадистов¹⁸.

Турция стала отказывать во въезде потенциальным иностранным боевикам на основе информации, предоставленной странами их происхождения, и создала список лиц, которым въезд запрещён. По заявлению министра внутренних дел Эфкана Алы от 30 января 2015 года, въезд был запрещён примерно 10 тыс. человек из 91 страны, подозреваемым в стремлении

присоединиться к экстремистским группам в Сирии, притом список был составлен благодаря сотрудничеству турецких спецслужб со спецслужбами других стран¹⁹. Для борьбы с террористами были развёрнуты подразделения по анализу рисков, которым вменялось обнаружение «иностранных боевиков-террористов в аэропортах, пунктах пересечения границы и приграничных городах»²⁰.

С активизацией военной деятельности ИГИЛ в первой половине 2014 г. резко изматрица угроз в Сирии. Группировка была настроена значительно агрессивнее других джихадистских объединений и продемонстрировала способность не только завоевывать и удерживать территории, но и управлять ими. В сентябре 2014 г. Соединённые Штаты сформировали коалицию с более чем 40 странами для борьбы с ИГИЛ²¹. Не разделяя энтузиазма союзников, до лета 2015 г. Анкара не спешила предпринимать военные действия против этой организации, пресекать передвижение боевиков, а также контрабанду нефти и других товаров. Более того, она не позволила коалиции действовать с авиабазы НАТО в Инджирлике, расположенной на юге Турции (рядом с г. Адана). В этой связи в течение целого года авиаудары коалиции по объектам и живой силе ИГИЛ наносились с баз на Кипре, в Объединённых Арабских Эмиратах и Катаре [Cappello et al. 2016: 111.

По признанию турецких официальных лиц, Анкару беспокоила возможная реакция на потенциальные военные действия против ИГИЛ. К марту 2014 г. группировка

¹⁸ Sanger D.E. Rebel Arms Flow Is Said to Benefit Jihadists in Syria. 15.10.2012. The New York Times. URL: http://www.nytimes. com/2012/10/15/world/middleeast/jihadists-receiving-most-arms-sent-to-syrian-rebels.html (accessed: 03.02.2021).

¹⁹ Zeldin W. Countering Violent Islamist Extremism: The Urgent Threat of Foreign Fighters and Homegrown Terror. 11.02.2015. Hearing Beforethe House Committee on Homeland Security. URL: http://docs.house.gov/meetings/HM/HM00/20150211/102901/HHRG-114-HM00-Wstate-RasmussenN-20150211.pdf (accessed: 06.01.2021).

²⁰ Turkey, in Country Reports on Terrorism 2014. Bureau of Counterterrorism US Department of State. June 2015. URL: https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/239631.pdf (accessed: 25.01.2021).

²¹ U.S.: More than 40 nations joined coalition against ISIS. 08.09.2014. Al Arabiya. URL: http://english.alarabiya.net/en/News/world/2014/09/08/US-More-than-40-nations-joined-coalition-against-ISIS.html (accessed: 05.01.2021).

vже продемонстрировала способность действовать в Турции и за её пределами. Был совершён теракт в центральной Анатолии. в ходе которого террористы застрелили двух сотрудников службы безопасности и прохожего²², а в марте 2014 г. боевики заблокировали расположенную на сирийской территории примерно в 30 км от турецкой границы гробницу Сулеймана Шаха, предка основателя Османской империи, препятствуя доставке еды и воды небольшому турецкому гарнизону. Опасность заключалась в том, что ИГИЛ обычно разрушало подобные святыни как проявление язычества. Турецкие спецслужбы совместно с военными провели ряд встреч с представителями группировки для разрешения возникшей проблемы. Представители ИГИЛ заняли жёсткую позицию, требуя в обмен на доступ к месту захоронения освободить своих соратников из турецких тюрем, обеспечить им беспрепятственный выезд в Сирию, а также доставить пролукты питания и меликаменты в общины, находившиеся под контролем ИГИЛ. Турецким властям пришлось освободить и отправить в Сирию 180 задержанных боевиков²³. По договорённости обеих сторон, в феврале 2015 г. турки эвакуировали гробницу вплотную к границе.

В начале июня 2014 г. боевики ИГИЛ взяли в заложники 49 сотрудников турецкого Генконсульства в Мосуле (Ирак) и членов их семей, а также 32-х турецких водителей грузовиков. Сотрудники Генконсульства и водители были освобождены соответственно в сентябре и октябре того же года в результате секретных переговоров турецких спецслужб с представителями

группировки²⁴. В тот период слабость позиции Анкары в отношении ИГИЛ заключалась в том, что турки надеялись обезопасить свою территорию, одновременно используя возможности террористической организации для максимального ослабления правительства Башира Асада в условиях отсутствия серьёзных препятствий для поллержания связей с ИГИЛ на неофициальной основе. В период с 2011 по 2016 годы Турция взяла под стражу 7015 человек по обвинению в предполагаемых связях с группировкой: из этого числа только семеро были осуждены и заключены в тюрьму. В 2015 г. местный суд Турции приговорил египетского члена ИГИЛ к тюремному заключению, однако Коллегия уголовного правосудия 16-го суда отменила это решение и попросила местный суд выяснить, является ли ИГИЛ вооружённой террористической организацией²⁵.

На фоне критики, постоянно звучавшей в адрес Анкары из Вашингтона и западноевропейских столиц, а ещё резче из России, турецкое руководство было вынуждено ужесточить меры против этой террористической организации. Тем не менее её шаги продолжали носить дозированный характер. Летом 2015 г. время относительно мирного сосуществования между Турцией и ИГИЛ сменился периодом сложных и противоречивых отношений. Одним из первых его эпизодов был захват в июле 2015 г. турецкими силами безопасности предназначенного для ИГИЛ грузовика с большим количеством взрывчатых веществ. Затем турецкие власти разрешили, наконец, США использовать авиабазу Инджирлик для воздушных налётов на объекты

²² İdiz S. ISIS emerges as threat to Turkey. 25.03.2014. Al-Monitor. URL: http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2014/03/isisthreat-turkey-syria-jihadists.html (accessed: 17.02.2021).

²³ Gladstone R. Turkish President Hints that Prisoner Exchange Won Release of Hostages Held by ISIS. 23.09.2014. The New York Times. URL: http://www.nytimes.com/2014/09/23/world/europe/erdogan-hints-that-prisoner-exchange-won-release-of-hostages-held-by-isis (accessed: 20.02.2021).

²⁴ Johnston C. The hostages, 46 Turks and three Iraqis, were seized on 11 June as Islamic State militants took control of swaths of Iraq and Syria. 20.09.2014. The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/world/2014/sep/20/isis-releases-hostages-turkish-consulate-mosul (accessed: 16.02.2021).

²⁵ Bulut U. Should Turkey Officially Designate ISIS a Terrorist Organization? 20.03.2017. BESA Center Perspectives. Paper No. 429. URL: https://besacenter.org/perspectives-papers/turkey-officially-designate-isis-terrorist-organization/ (accessed: 19.02.2021).

ИГИЛ в Сирии. Обращает на себя внимание, что в отчёте Управления по делам религии от августа 2015 г. впервые ИГИЛ было названо террористической группировкой, а её действия и «искажённое толкование ислама и Корана» оценены критически. Ставилась цель информировать общественность о тактике ИГИЛ, его лозунгах, операциях и толковании ислама²⁶.

По-видимому, руководство группировки расценило подобные действия Турции как нарушение ранее достигнутых договорённостей и не стало затягивать с реакцией. С июля 2015 г. боевики ИГИЛ осуществили серию террористических актов в Суруче, Анкаре и Стамбуле, которые сопровождались большим количеством жертв. В ноябре того же года Анкара ужесточила охрану над шестидесятимильным участком границы с Сирией, который боевики ИГИЛ использовали для контрабанды и переброски оружия²⁷. В апреле и мае 2016 г. турецкая армия неоднократно атаковала позиции ИГИЛ в Сирии. Фактически лишь с серелины 2016 г. власти в Анкаре окончательно пришли к убеждению, что группировка ИГИЛ, которую ранее они планировали использовать для свержения Асада и против курдов, может превратиться в серьёзную угрозу безопасности самой Турции. Враждебность обострилась в августе того же года, когда турецкие войска вошли в Сирию (операция «Щит Евфрата») для противодействия курдам и ИГИЛ. В октябре 2016 г. Анкара и её союзники из числа сирийских арабов-противников Дамаска начали наступление на удерживаемый ИГИЛ город аль-Баб на северо-западе Сирии, после чего (в начале ноября 2016) лидер группировки Абу Бакр альБагдади впервые лично призвал атаковать Турцию²⁸. Таким образом, враждебность в отношениях Анкары и ИГИЛ нарастала со второй половины 2015 г. и к концу 2016 г. достигла пика. Только в 2016 г. боевики ИГИЛ убили в Турции более 150 человек²⁹.

В последующие годы, в результате мощвоенного давления российских Возлушно-космических сил и сирийских правительственных войск, а также Сирийских демократических сил (СДС) при поддержке США, начался исход сторонников ИГИЛ из Сирии обратно в Турцию. В ответ турецкие спецслужбы и полиция провели в 2018—2019 годах 1300 операций. Президент Р.Т. Эрдоган объявил 10 октября 2019 г. о задержании на тот момент по подозрению в связях с ИГИЛ 17 тысяч человек, срели которых немало иностранных боевиков-террористов (ИБТ) [Calibrating the Response..., 2020]. Тогда же турецкие власти начали прорабатывать вопрос об отправке иностранных боевиков-террористов после годичного пребывания в депортационных лагерях за рубеж, в том числе в государства их проживания. В целом Турция остаётся для сторонников ИГИЛ, особенно в составе «спящих ячеек», заманчивым убежищем, откуда можно управлять деятельностью своей организации в других странах и регионах. Тем более что некоторая социальная динамика, в прошлом способствовавшая мобилизации джихадистов, в Турции сохраняется.

Турция и «Аль-Каида»: от неприятия к браку по расчёту

В период с 2002 по 2011 годы правительство Турции, популяризировавшее идею сосуществования ислама и демократии,

²⁶ Turkey's top religious body releases report on ISIL, names it terrorist organization. 09.08.2015. Daily News. URL: https://www.hurriyetdailynews.com/turkeys-top-religious-body-releases-report-on-isilnames-it-terrorist-organization—86675 (accessed: 16.01.2021).

²⁷ Cockburn P. War with Isis: President Obama demands that Turkey close stretch of border with Syria. 30.11.2015. The Independent. The UNZ Review. URL: https://www.reddit.com/r/europe/comments/3utuja/war_with_isis_president_obama_demands_that_turkey/(accessed: 14.02.2021).

²⁸ Daesh terrorist leader Baghdadi calls for attacks against Turkey. 11.03.2016. Daily Sabah. URL: http://www.dailysabah. com/mideast/2016/11/03/daesh-terrorist-leader-baghdadi-calls-for-attacks-against-turkey (accessed: 13.02.2021).

²⁹ Bir buçuk yılda 33 bombalı saldırıda 461 kişi hayatını kaybetti; 363'ü sivil. 12.12.2016. Diken. URL: http://www.diken.com.tr/bir-bucuk-yilda-33-bombali-saldırida-461-kisi-hayatını-kaybetti-363u-sivil/(accessed: 27.02.2021).

предпринимало меры по предотвращению распространения раликализма срели широкого мусульманского сообщества. Напомним, что первые крупномасштабные террористические атаки «Аль-Каиды» в Европе произошли именно в Турции. 15 и 20 ноября 2003 г. в Стамбуле группа турецких исламистов, загрузив взрывчаткой четыре грузовика, совершила нападения на две синагоги. Генеральное консульство Великобритании и здание банка HSBC, в результате чего 63 человек погибли и 750 были ранены³⁰. В тот период турецкие радикальные исламисты посещали школы джихада в Пакистане и Египте и воевали в составе джихадистских организаций по всему мусульманскому миру. Впоследствии турецкие спецслужбы и полиция считали крайне важным держать этих бывших джихадистов под жёстким контролем, чтобы предотвратить атаки «Аль-Каиды». Среди своих сотрудников полиция запустила масштабную образовательную программу, отправив более 1000 высокопоставленных офицеров в западные, преимущественно американские, университеты и учреждения для обучения и участия в программах сертификации. Кроме того, при поддержке ООН и ЕС турецкая полиция запустила крупную образовательную программу для сотрудников правоохранительных органов из других стран региона. За несколько лет учебные заведения турецкой полиции обучили более 5 тыс. сотрудников правоохранительных органов из соседних стран. Это был важный шаг на пути к региональному сотрудничеству в борьбе с терроризмом, контрабандой и незаконным оборотом наркотиков. Национальная полиция Турции также реорганизовала свои контртеррористические подразделения, чтобы сосредоточить внимание на радикальных исламистах в дополнение к прежней борьбе с курдскими боевиками. Эти меры привели к аресту в 2005 г. Луаи Сакра, ключевого лидера «Аль-Каиды», когда он планировал нападения на израильские круизные лайнеры в турецких портах³¹ Israeli Cruise.

В периол с 2003 по 2011 голы полиция реализовала интенсивную оперативную программу против «Аль-Каиды», чтобы предотвратить формирование эффективной сети этой организации в Турции. Тем не менее после 2012 г. в контртеррористической политике Турции произошли изменения. в частности снизилась интенсивность контртеррористических действий. В 2013 и 2014 годах были задержаны только 184 подозреваемых в принадлежности к «Аль-Каиде»³². Растущее число иностранных джихадистов могли беспрепятственно пересекать Турцию по пути в Сирию. Джихадистские настроения усилились среди турецких исламистов, а лозунги террористической группировки «Фронт ан-Нусра». представляющей «Аль-Каиду» в Сирии, появились на главных перекрестках Стамбула. Одновременно неуклонно сокращалось количество полицейских операций и арестов. Даже иностранные дипломаты отметили, что Анкара начала сотрудничать со сторонниками «Аль-Каиды» в Сирии: в 2014 г. бывший посол США в стране Фрэнсис Риккардоне заявил: «Турки откровенно работали с группировками, включая Фронт ан-Нусра»³³. Можно предположить, что резкое сокращение полицейских операций против исламистов было целенаправленной политикой. Бывший турецкий полицейский утверждал, что в начале 2014 г.

³⁰ Rodoplu U. Mass-Casualty Terrorist Bombings In Istanbul, Turkey. November 2003: report of the events and the prehospital emergency response. Apr-Jun 2004. Cambridge Core. URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/15506250/ (accessed: 15.02.2021).

³¹ Israeli Čruise Attack Plot Exposed.11.08.2005. CBS News. URL: https://www.cbsnews.com/news/israeli-cruise-attack-plot-exposed/ (accessed: 15.02.2021).

³² Sancar A. El Kaide'ye 3 yılda 140 operasyon. 10.11.2013. Sabah. URL: https://www.bayancenter.org/wp-content/uploads/2016/10/8895854.pdf (accessed: 01.02.2021).

³³ Sanchez R., Spencer R. Turkish Government Co-Operated with al-Qaeda in Syria, Says Former US Ambassador. 12.09.2014. The Telegraph. URL:https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/turkey/11093478/Turkish-government-co-operated-with-al-Qaeda-in-Syria-says-former-US-ambassador.html (accessed: 16.02.2021).

начальник контртеррористического подразделения полиции Стамбула дал команду своим офицерам не расследовать действия джихадистов из Чечни и Дагестана³⁴.

Смягчение, несмотря на официальные опровержения правительства, политики в отношении джихадистских организаций было прямым следствием провала усилий Анкары сформировать успешно действующую оппозицию из «умеренных» сирийских сил. Созданный при содействии Турции в 2011 г. и находящийся под контролем Братьев-мусульман Сирийский национальный совет оказался неспособным объединить участников оппозиционного движения в Сирии, а его военные союзники — противостоять тактике сил Башара Асада.

Основная стратегическая причина, по которой Турция хотела отстранить от власти президента Сирии, была связана с опасениями возникновения курдской автономии. Турецкие власти считали вероятным, что, оставшись у власти, Башар Асад попытается использовать Рабочую партию Курдистана (РПК) для дестабилизации ситуации в Турции. В этой связи Анкара приняла решение поддержать Фронт ан-Hусра³⁵ и другие джихадистские группировки против Дамаска и курдской Партии демократического союза (ПДС). Прямая и косвенная поддержка Турцией «Аль-Каиды» и связанных с ней группировок фактически легитимизировала исламистский политический дискурс, в котором стали доминировать джихадистские темы. Своими действиями турецкие власти «узаконили» местных сторонников «Аль-Каиды» в глазах населения страны. Турецкие правоохранительные органы «закрывали глаза» на

вербовку «Аль-Каидой» многочисленных сирийских беженцев на территории Турции. Нельзя забывать и о стратегической цели Анкары, выходящей далеко за рамки сирийских проблем, — превратить Турцию в «центральное государство» в своём регионе, стать основным игроком на Большом Ближнем Востоке с голосом, равным голосу мировых держав [Davutoglu 2001: 115].

С 2012 г. турецкое правительство возложило ответственность за борьбу с джихадистами на спецслужбы. Полиция перестала проводить контртеррористические операции против боевиков «Аль-Каиды», десятки тысяч полицейских были переведены в другие подразделения, сотни предстали перед судом и были уволены. Многие из них не только обладали необходимым опытом работы и знаниями о деятельности «Аль-Каиды» в Турции, но и понимали, какую угрозу внутренней безопасности представляет эта группировка. Тем не менее после включения 14 мая 2014 г. в санкпионный перечень ООН Фронта ан-Нусра турецкое правительство было вынуждено 3 июня 2014 г. признать террористической организацией транснациональный джихадийский Фронт ан-Нусра – одну из заметных структур глобальной сети «Аль-Каиды»³⁶.

При этом сотрудничество Турции с Фронтом, подразделения которого активно действовали в северной, центральной и южной частях Сирии, в последующие годы не прекращалось. В этой связи Турцию продолжали обвинять в вооружении радикальных исламских боевиков — конвои с оружием, боеприпасами и припасами направлялись в Сирию, и их доставка координировалась турецкой разведкой 37. В даль-

³⁴ Silivrideki Polislerden Kan Donduran Sultanahmet Ve Özbek Hoca Mesajlari. 27.01.2015. Sozcu 18. URL: https://www.sozcu18.com/silivride-yatan-polislerden-kan-donduran-iddialar-18864h.htm (accessed: 14.02.2021).

³⁵ В 2011 году руководитель Фронта ан-Нусра Абу Мухаммед аль-Джулани присягнул на верность лидеру Аль-Каиды Айману аз-Завахири, который объявил группировку официальным представителем Аль-Каиды в Сирии.

³⁶ *Idiz S.* Why is Jabhat al-Nusra no longer useful to Turkey? 20.06.2014. Al-Monitor. URL: https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2014/06/idiz-turkey-syria-opposition-nusra-terrorist-unsc-erdogan. html (accessed: 06.02.2021).

 $^{^{37}}$ Idiz S. Is Turkey arming radical groups in Syria? 06.05.2015. Al-Monitor. URL: http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2015/05/turkey-syria-aiming-radical-groups-shipping-weapons.html (accessed: 09.02.2021).

нейшем, пытаясь выйти из-под междунаролного санкционного лавления и пролемонстрировать разрыв своих отношений с «Аль-Каидой», не без участия Анкары группировка дважды провела ребрендинг. Сначала она была переименована в Джабхат Фатх аш-Шам, а в начале 2017 г. – в Хайат Тахрир аш-Шам³⁸. Это не повлекло за собой коренных изменений в характере и действиях террористического формирования. Помимо внешнего спонсирования, ХТШ получала средства от похищения людей с целью получения выкупа и вымогательства, торговала культурными ценностями, собирала религиозные налоги, взимала «пошлину» на своих контрольно-пропускных пунктах³⁹.

В период с 2013 по 2016 годы Турция, наряду с Саудовской Аравией и Катаром, предоставляла прямую и косвенную финансовую помощь вооружённым оппозиционным группировкам исламистского толка в Сирии. Затем Анкара выработала долгосрочный стратегический план по консолидации спонсируемых ею вооружённых группировок, «умеренных» и национал-исламистских, связанных со Свободной сирийской армией (ССА)⁴⁰, в целях расширения влияния в Идлибе и создания противовеса экстремистским формированиям. После провала стратегии, направленной на свержение президента Башара Асада в период 2011-2015 годов, с 2016 г. Турция всерьёз занялась возрождением сирийской вооружённой оппозиции в качестве жизнеспособной боевой силы путём установления централизованного контроля и повышения профессионального уровня группировок Свободной сирийской армии (ССА), сохраняя при этом тесное партнёрство с Хайят Тахрир аш-Шам. Ради достижения своих целей Анкара пошла на поддержку широкого круга светских, исламистских, националистических, транснациональных, радикальных, а также «умеренных» вооружённых оппозиционных формирований в Сирии вне зависимости от их идеологической ориентации.

Ключевыми факторами, оказавшими влияние на эффективность взаимодействия Турции с различными сирийскими вооружёнными формированиями, стали: материальная поддержка, обучение, финансирование, поставки оружия и оборудования, взаимодействие с армией, повышение уровня централизованного управления группировками, географическая близость, тактика разделяй и властвуй. Турецкая стратегия вернула к жизни революционные причины гражданской войны в Сирии – стремление свергнуть Башара Асада. При этом стратегия приобрела мощное подспорье в виде смеси национализма с исламизмом. Своими действиями Анкара планировала решить ряд задач военно-политического характера:

- обеспечить себе долгосрочное влияние на севере Сирии с помощью светских и националистических исламистских вооружённых группировок;
- создать противовес наиболее экстремистским исламистским группировкам, отвлекая от них людские ресурсы;
- в перспективе добиться того, чтобы все вооружённые группировки, действующие в Идлибе, привели свои взгляды в соответствие с революционными целями сирийской оппозиции и приняли спонсорство Турции;
- в перспективе заключить с Дамаском соглашение, позволяющее Фронту национального освобождения (ФНО)⁴¹ выпол-

³⁸ Террористическая организация, запрещённая в Российской Федерации.

³⁹ Twentieth report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team submitted pursuant to resolution 2253 (2015) concerning ISIL (Da'esh), Al-Qaida and associated individuals and entities. 07.08.2017. S/2017/573. URL: https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/2017/573 (accessed: 04.01.2021).

⁴⁰ Свободная сирийская армия (ССА) основана в 2011 году в Турции арабами-суннитами, дезертировавшими из сирийской армии, состоит из нерегулярных вооружённых групп. В 2017 году пере-именована в Сирийскую национальную армию.

⁴¹ Фронт национального освобождения (ФНО) создан Турцией в качестве новой «зонтичной» структуры в мае 2018 года в Идлибе из девяти националистически-исламистских и шести «умеренных» группировок. В октябре 2019 года ФНО объединился с Сирийской национальной армией (СНА).

нять вспомогательную роль в обеспечении безопасности провинции Идлиб;

— заверить Россию в способности Турции контролировать концентрацию «умеренных» и экстремистских исламистских вооружённых группировок в Идлибе.

С 2016 г. Анкара доработала механизмы взаимодействия с различными категориями сирийских вооружённых оппозиционных группировок. Например, Ахрар аш-Шам⁴² и Файлак аш-Шам⁴³ стали участвовать в турецкой военной операции «Шит Евфрата», что повлекло за собой увеличение финансовой и военной поддержки этих структур. Турция использовала Ахрар аш-Шам для сдерживания ХТШ в Идлибе. а Файлак аш-Шам участвовал в турецких операциях против курдов в Африне в 2018 году. Состоявшую из нерегулярных группировок Свободную сирийскую армию в 2017 г. Анкара превратила в централизованную организацию с чёткими структурами командования и контроля. Объединение было переименовано в Сирийскую нашиональную армию (СНА) и уже под этим обозначением также приняло участие в турецкой военной операции «Шит Евфрата». Анкара выступила посредником в ходе продолжительных вооружённых столкновений между Фронтом национального освобождения и ХТШ в 2018 и начале 2019 годов, а в октябре 2019 г. убедила ФНО объединить усилия с СНА. ФНО собрал около 70 тыс. боевиков, выразив готовность противостоять сирийским правительственным силам в Идлибе, а также защищать северо-запад Сирии от курдов⁴⁴. Несмотря на широкое присутствие националистических исламистов в рядах ФНО, его руководство декларировало приверженность светско-революционному подходу. Такой ребрендинг позволил исламистским группировкам ФНО при наступлении правительственных войск получать поддержку Турции. В целом сотрудничество Анкары и ФНО можно определить, как взаимовыгодный союз, подкреплённый идеологической близостью, при отсутствии полного взаимного доверия.

ФНО представлял не более половины исламистских группировок Идлиба. Вторая половина, вдохновленная доктриной глобального джихада «Аль-Каиды», будучи в составе ХТШ отвергла в 2018 г. предложение Турции о слиянии с ФНО. Более того, в ходе ожесточенных столкновений ХТШ удалось ослабить ФНО, переманив к себе запугиванием и принуждением часть его членов. XTШ сформировала «правительство национального спасения» - альтернативу «временному правительству» Сирии, базирующемуся в пограничном турецком городе Газиантеп. Успех ХТШ в очередной раз противопоставил экстремистское видение сирийской гражданской войны революционному. Следовательно, попытки Анкары для усиления турецкого контроля в провинции Идлиб объединить, с одной стороны, СНА и ФНО, а, с другой стороны, ХТШ в управляемую структуру, не увенчались успехом. Тогда в ответ на возросшее влияние ХТШ турецкие спецслужбы в духе принципа разделяй и властвуй занялись отделением догматиков из числа сторонников «Аль-Каиды» от прагматиков, готовых действовать под эгидой Турции. Министр иностранных дел Турции Мевлют Чавушоглу охарактеризовал эту политику как «отделение умеренной оппозиции от террористов»⁴⁵.

⁴² Ахрар аш-Шам основана в 2012 году исламистами из числа бывших заключённых сирийской тюрьмы Седнайя. Это активная многочисленная структура, выступающая за построение в Сирии исламского государства.

⁴³ Файлак аш-Шам создана в 2014 году исламистскими группами разных оттенков, от консервативных и салафитских до Братьев-мусульман, которые выступили против официального Дамаска и в то же время конкурировали с экстремистскими группировками.

⁴⁴ Taştekin F. İdlib'deki silahlı gruplar kimler? Aralarından 'ılımlıları' ayırmak mümkün mü? 15.08.2018. BBC News. URL: https://www.bbc.com/turkce/haberler-turkiye-45191811 (accessed: 03.02.2018).

⁴⁵ Çavuşoğlu: Brunson'ın durumunda değişiklik yok! (2018). İnstitute of Strategic Thinking. 2018. URL: https://www.sde.org.tr/hukuk/cavusoglu-brunsonin-durumunda-degisiklik-yok-haberi-6587 (accessed: 15.02.2021).

Несмотря на договорённости с Россией. турки не смогли провести размежевание между «умеренной» оппозицией и радикальными боевиками. Догматики, вышелшие из XTШ и сформировавшие группировку «Хуррас ад-Дин»⁴⁶, отвергали сотрудничество ХТШ с Турцией, выступали против российско-турецких соглашений, ставя под угрозу статус-кво в Идлибе, проводили атаки на правительственные силы и позиции России. Для турецкой стороны подобные действия вылились в серьёзную проблему, поскольку ставили под вопрос способность Турции установить неформальный контроль над Идлибом и нейтрализовать салафитско-джихадистскую угрозу, как это было оговорено условиями Сочинского и Астанинского соглашений. Хуррас ад-Дин подрывала усилия Турции, поскольку эскалация насилия могла спровоцировать правительственные силы на ответные действия. Утверждения турецкой стороны о том, что после отделения Хуррас ад-Дин в ХТШ стали доминировать более прагматичные фракции – попытка выдать желаемое за действительное, так как джихадистская повестка дня этой террористической организации не исчезла. Лидер ХТШ Абу Мухаммед аль-Джулани сумел сохранить автономию группировки, хотя и обещал Анкаре помощь в борьбе с курдами в обмен на признание Турцией территориального контроля XTШ в Идлибе⁴⁷. В настоящее время XTШ продолжает действовать независимо от СНА и ФНО, сотрудничая с Турцией исключительно на прагматичной и равноправной основе. Руководство ХТШ благодарно Турции за защиту своих позиций в провинции Идлиб⁴⁸.

Турецкие спецслужбы, в том числе под нажимом России, не могли не вести работу по очишению рядов ХТШ от самых фанатичных джихалистов, выступавших против политической линии Турции. Со своей стороны, боевики ХТШ и Хуррас ад-Дин, несмотря на разногласия, периодически демонстрировали способность координировать свои военные операции против правительственных войск, а также против СНА и ФНО. К лету 2020 г. ХТШ и группировки, близкие к Хуррас ад-Дин, контролировали большую часть Идлиба, на остальной территории доминировали СНА и ФНО⁴⁹. Вместе с тем к середине июля 2020 г. ситуация радикально изменилась, боевики ХТШ с подачи турецких спецслужб всё же взяли штурмом большинство баз Хуррас ад-Дин, ликвидировав или арестовав высших командиров этой террористической группировки.

* * :

Продолжительный процесс внутренней исламизации в Турции на определенных этапах оказывал разноплановое влияние на формирование её политики в отношении международного терроризма, которая характеризовалась противоречивостью и непоследовательностью. В частности, в 2000-х годах Анкара вела серьезную борьбу против «Аль-Каиды», которая представляла реальную угрозу безопасности и стабильности Турции. Между тем в 2010-х с приходом «арабской весны» в условиях наметившегося на Ближнем Востоке сдвига в сторону политического ислама и активизировавшегося процесса внутренней исламизации в Турции контртеррористические действия турецких спецслужб против меж-

⁴⁶ «Хуррас ад-Дин» — исламистская террористическая группировка, связанная с Аль-Каидой, участвует в войне в Сирии, придерживается идеологии салафизма.

 $^{^{47}}$ Tastekin F. Jihadists of Idlib splitting under Turkish pressure. 14.02.2019. AL-Monitor. URL: https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2019/02/turkey-russia-syria-jihadist-of-idlib-splitting.html (accessed: 28.01/2021).

⁴⁸ Zuesse E. Al Qaeda Thanks Turkey for Protecting It against Assad, Russia, Iran. 10.03.2020. Modern Diplomacy. URL: https://moderndiplomacy.eu/2020/03/10/al-qaeda-thanks-turkey-for-protecting-it-against-assad-russia-iran/ (accessed: 24.01.2021).

⁴⁹ Country Policy and Information Note Syria: The Syrian Civil War. 11.08.2020. Home Office. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/908419/CPIN_Syria_Civil_War.pdf (accessed: 20.02.2021).

дународных террористических организаций начали затухать. Более того, Турция превратилась в своеобразный перевалочный пункт для многочисленных иностранных боевиков-террористов — в своём подавляющем большинстве радикально настроенных мусульман. Установились взаимовыгодные отношения с террористической группировкой ИГИЛ, которая активно использовала турецкую территорию в своих интересах (вербовка боевиков, транспортировка оружия и боеприпасов, лечение раненых и т.д.). Анкара продемонстрировала удивительную терпимость по отношению к ИГИЛ в пределах своих границ. Причем осознание опасности, исходящей от подобных экстремистских организаций, пришло только в результате возникновения террористических угроз для самой Турции, а также под внешним давлением, как это в конечном счете произошло с турецкой политикой в отношении ИГИЛ.

Были ли Турцией учтены ошибки, связанные с её первоначальной недальновидной политикой в отношении ИГИЛ? Если да, то частично, так как продолжается взаимодействие турок с представителями «Хайят Тахрир аш-Шам», которые не признают себя сторонниками «Аль-Каиды», хотя на самом деле таковыми являются. Политика Турции основана на надежде подчинить своим интересам радикальные группировки в Сирии и превратить их в прагматичных исламистов на основе суннитской солидарности. Эта надежда оказалась иллюзорной в силу принципиальных идеологических противоречий между

турецкими исламистами, с одной стороны, и джихадистами ИГИЛ и «Аль-Каиды» — с другой. В свете процессой внутренней исламизации в Турции, становится очевидной некоторая близость мировосприятия современной турецкой правящей элиты с джихадистами, что используется и в политических целях.

Партнерство с «Хаят Тахрир аш-Шам», победы последней над группировкой «Хуррас ад-Дин» Анкара использует для демонстрации своей «решимости» очистить Идлиб от радикальных джихадистов. ХТШ – это козырная карта в руках Анкары, которую они не хотят сдавать бесплатно. Турция может потребовать больших уступок, например придания своим войскам в Сирии постоянного статуса, а в перспективе - способствовать удалению XTШ из всех санкционных списков. Разделение ХТШ и Хуррас ад-Дин предоставляет Анкаре возможность выступать в качестве важного посредника за столом переговоров, выдавая своих доверенных лиц за «умеренных» и обосновывая сохранение своего военного присутствия в этом районе.

В целом можно констатировать, что поддержка турками джихадистов — это не просто опирающаяся на внутреннюю исламизацию тактика, направленная на отстранение президента Сирии Башара Асада от власти и сдерживание курдских повстанцев. Речь идёт о стратегическом решении Анкары влиять на дела Большого Ближнего Востока через соответствующих негосударственных субъектов.

Список литературы

Звягельская И.Д., Кожанов Н.А., Свистунова И. А., Сурков Н.Ю. Государства Ближнего Востока в поисках внешнеполитической идентичности (Турецкая, иранская и саудовская модели) // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 9. С. 93—103.

Иванова И.И. Эволюция ближневосточной политики Турецкой республики (1923—2016). М.: Аспект пресс, 2017. 424 с.

Кудряшова И.В., Матюхин В.В. Турция: национальные интересы и имперскость // Политическая наука. 2013. № 3. С. 117—136

Надеин-Раевский В. А. Экстремизм и терроризм в современной Турции // Пути к миру и безопасности. Спецвыпуск: Проблемы терроризма, насильственного экстремизма и радикализации (российские и американские подходы). 2017. № 1(52). С. 182—204.

Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX в. / Отв. ред. Н.Г. Киреев. ИВ РАН. 2001. 535 с.

- *Шлыков П.В.* Трансформация роли Турции в борьбе с международным терроризмом на Ближнем Востоке // Вестник Московского университета. Сер. 13. 2018. № 2. C.53—74.
- Ульченко Н.Ю. Экономика Турции в условиях либерализации (80—90-е годы). М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2002. 236 с.
- Arbor A. The Fethullah Gulen Movement and Its Politics of Representation in Turkey. Mucahit Bilici University of Michigan. 2006. 20 p. URL: https://deepblue.lib.umich.edu/bitstream/handle/2027.42/74242/j.1478-1913.2006.00115.x.pdf?sequence=1.(accessed: 20.02.2021).
- Bildirici M., Ersin Ö., Turkmen C., Yalcinkaya Y. The Persistence Effect of Unemployment in Turkey: An Analysis of the 1980-2010 Period // Journal of Business Economics & Finance. 2012. Vol.1. Issue 3. P. 22–32.
- Calibrating the Response: Turkey's ISIS Returnees. International Crisis Group. 2020. Report 258 / Europe & Central Asia. URL: https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/westerneuropemediterranean/turkey/258-calibrating-response-turkeys-isis-returnees (accessed: 18.02.2021).
- Cappello J., Megahan P., Hannah J., Schanzer J. Covering the Bases: Reassessing U.S. Military Deployments in Turkey After the July 25 Coup D'état. Foundation for Defense of Democracies. 2016. 33 p. URL: http://www.defenddemocracy.org/content/uploads/documents/Covering_the_Bases.pdf (accessed: 17.02.2021).
- Davutoglu A. Stratejik Derinlik Turkiye'nin Uluslararsi Konumu. Istanbul: Kure Yayinlari. 2001. 600 p.
- Duran B. Understanding the AK Party's Identity Politics: A Civilizational Discourse and its Limitations // Insight Turkey. 2013. Vol. 15. No. 1. P. 91–109.
- Duran B., Yıldırım E. (2005). Islamism, trade unionism and civil society: the case of Hak-I's, labour confederation in Turkey // Middle Eastern Studies. 2005. Vol. 41. Issue 2. P. 227–248.
- Hammond A. Salafism Infiltrates Turkish Religious Discourse. Middle East Institute. 2015. URL: https://www.mei.edu/publications/salafism-infiltrates-turkish-religious-discourse (accessed: 16.02.2021).
- Hockenos P. Erdogan's International Network of Muslim Cleric Spies. Foreign Policy. 2017. URL: https://foreignpolicy.com/2017/03/27/erdogans-international-network-of-muslim-cleric-spies-turkey-germany-gulen-coup/ (accessed: 18.02.2021).
- Stein A. Islamic State Networks in Turkey: Recruitment for the Caliphate. The Atlantic Council. 2016. October. 12 p. URL: http://www.publications.atlanticcouncil.org/islamic-state-networks-in-turkey/(accessed: 08.02.2021).
- Ugur E. Intellectual roots of 'Turkish Islam' and approaches to the 'Turkish model' // Journal of Muslim Minority Affairs. 2006. Vol. 24. No. 2. P. 327–345.
- Yilmaz I. Erdoganism and Islamist Use of Education in Turkey. Deakin University. 2018. 29 p. URL: https://papers.ssm.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3278481 (accessed: 09.01.2021).

TURKEY'S RESPONSE TO INTERNATIONAL TERRORISM

ATTITUDE TOWARDS ISIL AND AL-QAIDA

GEORGY MACHITIDZE

MGIMO University, Moscow, 119454, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the interconnection between the direction of Turkey's struggle against terrorism with modern Islamist and nationalist ideas of Turkey. A majority of Turkish citizens following the Hanafi school of Islam, have historically opposed the purist religious doctrine of the Salafists. The author emphasizes

that neither Turkey's secular tradition nor its predominant, moderate Islamic theology has made Turkish citizens immune to radicalization. Modern Turkish history has produced several violent Islamist organizations advocating Salafi views in line with the Islamic State's ideology. Turkish jihadists have been found among the ranks of foreign fighters in several recent conflict zones abroad. The article proves that when the uprisings began in Syria in 2011, Turkey threw its full support behind the opposition — harboring and mobilizing dissidents, arming rebels, and allowing free passage along the Syrian-Turkish border. Jihadists began to exploit the security vacuum, including ISIL and Jabhat al-Nusra (now Hayat Tahrir al-Sham), the Syrian affiliate of al-Qaeda. The article also addresses the problems of Ankara's indifference at the first stage towards the ISIL's activities within and across Turkish territory. While the crossings between Turkey and ISIL territory officially were closed in 2014, smuggling through the frontier continued apace and Ankara only later started to engage ISIL militarily. The author concludes that the period of active struggle against al-Qaeda in Turkey (2003-2011) gave way after 2012 to a reduction in counterterrorism operations and now supporters of Hayat Tahrir al-Sham thank Turkey for protecting them against Syrian government forces, Russia and Iran.

Keywords:

Turkey; Islamism; Nationalism; Turkish jihadists; Syria; ISIL; al-Qaeda; Jabhat al-Nusra; Hayat Tahrir al-Sham.

References

- Arbor A. (2006). *The Fethullah Gulen Movement and Its Politics of Representation in Turkey*. Mucahit BiliciUniversityofMichigan.20P.URL:https://deepblue.lib.umich.edu/bitstream/handle/2027.42/74242/j.1478-1913.2006.00115.x.pdf?sequence=1 (accessed: 20.02.2021).
- Bildirici M., Ersin Ö., Turkmen C., Yalcinkaya Y. (2012). The Persistence Effect Of Unemployment In Turkey: An Analysis of the 1980–2010 Period. *Journal of Business Economics & Finance*. Vol.1. Issue 3. P. 22–32.
- International Crisis Group. (2020). Calibrating the Response: Turkey's ISIS Returnees. Europe & Central Asia. Report 258. URL: https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/westerneuropemediterranean/turkey/258-calibrating-response-turkeys-isis-returnees (accessed: 18.02.2021).
- Cappello J., Megahan P., Hannah J., Schanzer J. (2016). *Covering the Bases: Reassessing U.S. Military Deployments in Turkey After the July 25 Coup D'état.* Foundation for Defense of Democracies. 33 p. URL: http://www.defenddemocracy.org/content/uploads/documents/Covering_the_Bases.pdf (accessed: 17.02.2021).
- Davutoglu A. (2001). Stratejik Derinlik Turkiye'nin Uluslararsi Konumu. Istanbul: Kure Yayinlari. 600 p. Duran B. (2013). Understanding the AK Party's Identity Politics: A Civilizational Discourse and its Limitations. Insight Turkey. Vol. 15. No. 1. P. 91–109.
- Duran B., Yıldırım E. (2005). Islamism, trade unionism and civil society: the case of Hak-I's, labour confederation in Turkey. *Middle Eastern Studies*. Vol. 41. Issue 2. P. 227–248.
- Hammond A. (2015). Salafism Infiltrates Turkish Religious Discourse. Middle East Institute. URL: https://www.mei.edu/publications/salafism-infiltrates-turkish-religious-discourse (accessed: 16.02.2021).
- Hockenos P. (2017). Erdogan's International Network of Muslim Cleric Spies. *Foreign Policy*. URL: https://foreignpolicy.com/2017/03/27/erdogans-international-network-of-muslim-cleric-spies-turkey-germany-gulen-coup/ (accessed: 18.02.2021).
- Ivanova I.I. (2017). Evolyutsiya blizhnevostochnoj politiki Tureckoj respubliki (1923–2016) [Evolution of the Middle East Policy of the Turkish Republic (1923–2016)]. Moscow: Aspekt Press. 424 s.
- Kudryashova I.V., Matyuhin V.V. (2013). Turtsiya: natsional'nye interesy i imperskost' [Turkey: National Interests and Imperialism]. *Politicheskaya nauka*. No. 3. P. 117–136
- Nadein-Raevskij V. Á. (2017). Ekstremizm i terrorizm v sovremennoj Turtsii [Extremism and Terrorism in the Modern Turkey]. *Puti k miru i bezopasnosti. Specvypusk: Problemy terrorizma, nasil stvennogo ekstremizma i radikalizacii (rossijskie i amerikanskie podhody)*. No. 1(52). P. 182–204.
- Shlykov P.V. (2018). Transformatsiya roli Turtsii v bor'be s mezhdunarodnym terrorizmom na Blizhnem Vostoke [Transformation of the Turkey's Role in the Struggle against International Terrorism in thw Middle East]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 13. No. 2. P. 53–74.
- Stein A. (2016). *Islamic State Networks in Turkey: Recruitment for the Caliphate*. The Atlantic Council. 12 p. URL: http://www.publications.atlanticcouncil.org/islamic-state-networks-in-turkey/ (accessed: 08.02.2021).

- Kireev N.G. (ed.). (2001). *Turtsiya mezhdu Evropoj i Aziej. Itogi evropeizatsii na iskhode XX v* [Turkey between Europe and Asia. Results of Europeanization at the Dawn of the 20th Century]. Moscow: IV RAN. 535 p.
- Ugur E. (2006). Intellectual roots of 'Turkish Islam' and approaches to the 'Turkish model'. *Journal of Muslim Minority Affairs*. Vol. 24. No. 2. P. 327–345.
- Ul'chenko N.YU. (2002). *Ekonomika Turtsii v usloviyah liberalizatasii (80–90-e gody)* [Turkish Economy under Conditions of Liberalization (80s 90s)]. Moscow: Institut izucheniya Izrailya i Blizhnego Vostoka. 236 p.
- Yilmaz I. (2018). *Erdoganism and Islamist Use of Education in Turkey*. Deakin University. 29 p. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3278481(accessed: 09.01.2021).
- Zvyageľskaya I.D., Kozhanov N.A., Švistunova I. A., Surkov N.YU. (2019). Gosudarstva Blizhnego Vostoka v poiskakh vneshnepoliticheskoj identichnosti (Turetskaya, iranskaya i saudovskaya modeli) [States oft he Middle East in Search for Foreign Policy Identity (Turkish, Iranian and Saudi Models]. *Mirovaya ekonomika i Mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 63. No. 9. P. 93–103.